

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

"NOVOYE RUSSKOYE SLOVO" 178-2nd Ave. New York

ПОЛУЧЕН
последний выпуск
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
И ЛИТЕРАТУРНОГО ЖУРНАЛА

«СОВРЕМЕННЫЕ
ЗАПИСКИ»

№ 46

Цена — \$1.50

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO
178 2nd Ave., New York, N.Y.

Я Л Т А

БОРИС ЛАЗАРЕВСКИЙ
(Из далекого прошлого)

Во многих городах и во многих странах случалось мне жить. И везде бывали и радости и горе, и только когда вспоминаю Ялту, то вижу там много чудесных дней и часов, а неприятности здесь давались разве секундами, да и те позабылись...

Сейчас, когда на дворе хлещет парижский дождь и личная жизнь кажется конченной, я поднимаю голову и вижу приключившуюся над нами пылеватую столон фотография Ялтинского моря, возле которого стоят два парохода: Российского Общества — «Петр» с двумя белыми полосками на трубе и, дальше, «Святой Николай» — Русского Общества. О, я знаю, профиль и внешность каждого из них, как лицо женщины, с которой было пережито счастье. И до чего бы дал, чтобы увидеть стружку белого пара и услышать, дивный внятный бас отходного гудка.

Затем вглядываюсь в запечатленные на фотографии моря тени, они были густо-лиловые, — и чувствую, какое яркое светило там, солнце и какой горючей, бурлящей чудесной была там моя жизнь.

И неожиданно, как с моря на берег белая чайка, — налетает мысль, что нужно, необходимо написать об этих днях и ночах. Для чего, для кого? Почему необходимо? Не знаю. И вместо делового письма, действительно необходимого, беру карандаш и пишу, пишу, пишу эти строки.

По странной случайности оба парохода, изображенные на фотографии, сыграли в моей жизни большую роль. Давно это было, когда самую фотографию я купил, совсем случайно, в Брюсселе, через десять лет после того, как покинул родину.

Впрочем... Вывод из всей моей жизни: случайностей не бывает. Все предусмотрено. И, по моему, эта фотография — подарок умершего двадцать пять лет назад человека, который однажды иду по мосту, во время съемки и, вероятно, тогда и не заметил своих блуждающих глазами, что попал под объектив.

Человека этого звали Антон Чехов, но не только о нем и думаю и вспоминаю сейчас.

Еще в студенческой летней фрунзе совершил я на полупассажирском, не очень молодом и не очень чистом пароходе «Петр» бездельное путешествие: Одесса — Ватум и назад. В первый раз знакомая с морем, с голубоватыми горами и удивительными вечерними ночами. В портах стоял по долгу и ждало времени, прибавить на борт и кое-что увидеть.

В Ялте задержался почти на сутки, — пришел поздно и не успев с прогулкой. В эти сутки не

случилось ничего удивительного, но до сих пор первая ночь в Ялте кажется мне удивительной и сказочной.

С двумя мало интересными дамами-землячками мы поехали в Ореанду, в хорошей извозничьей коляске с каучуковыми шинами и на хороших лошадах. Мои спутницы не интересовали меня ни с какой стороны.

Я старался понять, отчего это без лун и все кругом так ярко, и так ясно вьется впереди известковая лента шоссе... Бросал ли на дорогу свои неуловимые лучи млечный путь или был это зодиакальный свет, — но более прозрачной ночи, в моей жизни я не помню.

Будто раскрылось все прошлое и все будущее.

Не помню и более острого волнения. Радость безмерная и безграничная и необъяснимая сладко давила горло, а главное: вся картина вдруг казалась давно знакомой.

И вдруг я вспомнил рассказы родных, что, совсем не далеко в Ливадии много лет назад кончила в чужотке свои земные дни моя мать, которой я не помню, хотя тогда уже существовал в ней. После родов она скоро умерла и о ее внешности я имел представление по написанному масляными красками портрету, на котором она изображена была в малороссийском костюме и с печальными глазами.

И вот здесь, в неведомом мне до сих пор Крыму, я совершенно ясно ощутил, что мать сейчас возле меня: жуткое неизъяснимое на словах, но совершенно реальное представление...

Белая ет полуразрушенная колонна дворца великого князя Константина Николаевича. Перед ней озерцо, на черной воде которого плавают одинокий лебедь, — изобавленный и алой. Одна из моих спутниц из своей сумочки вынула бювар и дает ему. Быстро, по тусклому, он хватает кусок и сейчас же вытаскивает шею и требует еще.

Вторая дама смотрит в даль и произносит:

— Вот здесь, в этом дворце была написана первая русская конституция... Догосли. Вобешенный государь приказал сжечь эту замечательную виллу... И остались только эти колонны... А если бы...

Она не договорила.

Ни я, ни кормилица лебедя дама ничего не ответили. Мне пришлось в голову: «Да, царь все мог. Мог уничтожить и проект конституции, а вот уничтожить всей этой красоты и не мог...»

Безудержно и невозможно кричали кругом диавлы, но звуки эти казались похожими на музыку невидимого оркестра.

Снова Ялта, — уже через несколько лет.

Я на эскадренном броненосце «Двенадцать Апостолов», которым командовал брат моей матери, тогда еще капитан первого ранга, самый любимый из моих дядей. Я уже в форме военно-морского судебного ведомства, в белом с пятью пуговицами кителе и с кортиком. Тогда этот корабль считался одним из новейших, потому что имел четыре двенадцатидюймовых орудия. В сопровождении еще нескольких кораблей эскадра шла на учебную артиллерийскую стрельбу.

Прелести радужных тонов раннего утра у Крымских берегов нельзя описать так же, как нельзя описать выражения глаз женщины, когда она в первый раз произносит «люблю»... Красота мыса Айя (не даром это слово значит «святой») — удивляла. Эта скала и была мишенью для снарядов. У самых берегов лиловый цвет воды сплетался с ярко-синими и зелеными прослойками, а весь мыс на фоне прозрачного неба казался седым, вечным и ужасно многовидным. Вероятно, на планетах более старших, чем земной шар, есть такие пейзажи и после нашей биологической смерти мы их увидим и придем в восторг.

Боевая тревога.

Эхо артиллерийских залпов было похоже на музыку, в которой басы поражали своей мощью не только слух, но и сердце. Помню, что, предварительно, востовые отряды в командирской каюте все зеркала и рамы на коврах стеклом вилы, иначе бы они разбились.

Пароход, салют: сто один выстрел, а наш салют красоте, соданный Богом, был в несколько сот выстрелов, считая и колющих «кан» и малюток «гошиков».

И когда умолкли восторженные вздохи горного эхо, — странной и страшной показалась наступившая тишина вечности.

После этого концерта пошли дальше и открылось сначала пять голубых пальцев «Ан-Петра», а затем и хребет «Айяла», точно прикрытый паутиной. После завтрака эскадра уже выходила на Ялтинский рейд.

Взвешено было съезжать на берег. Мне неизменно в голову лезло побывать у Чехова и познакомиться.

Стоя на набережной у витрины магазина Зембоинского я думал:

— «Ведь не прогонит же меня Чехов, тем более, что я послал ему свою первую, крохотную книгу «Забытые люди»...

Вдруг меня кто-то окликнул:

— Борис...

Я дернулся от неожиданности. Рядом стояла женщина, которую я знал и любил, когда еще учился в коллегии Галагана. Тепер я только знал, что она замужем, — моя первая сумасшедшая

страсть: дочь француженки, с глазами, в которых радость и тоска.

— Почему ты здесь?

— Больна, с легкими нехорошо...

— Одна?

— Одна, муж и ребенок в Одессе.

— Счастлива?

— Нет.

Она помолчала и спросила:

— Куда ты?

— К Чехову.

— Может быть на обратном пути зайдешь ко мне, — сказала Гостиницу.

— Хорошо...

А больше никаких слов не было.

Скорее всего, как позже оказалось, она шла в гости к нему от одной дамы, что я сейчас буду говорить с Чеховым, а может быть и потому, что судье было угодно, чтобы здесь в Ялте, я увидел ту, с которой никогда не думал больше встретиться.

Вероятно, все вместе, и страшно было умереть от счастья.

Дача Чехова только что достраивалась. Работные были тут же. Сам Чехов стоял среди двора и, шаря через перила, делал какие-то указания. На меня я взглянул с большим удивлением. Я сказал свою фамилию и напомнил о постоянной книжке.

— Да, получил. Спасибо. Вы что же здесь с эскадрой?

— Да.

Когда-то давно, уже после его смерти, я описал подробно в Милословском «Журнале для всех» это первое знакомство, но и сейчас, волнуясь и боясь прикраситься памятью к этому дню.

Говорил он о честности турок, о том, что хотел бы побывать на военном корабле, а я жалелся, отрывая, что, наконец, командир отдал бы радостно увидеть на борту своего корабля Чехова.

Через час мы вышли вместе. От восторга у меня даже в глазах, как и после артиллерийской стрельбы. Я плохо слушал его слова и думал: «и некакой-то чужой у него нет и чудесный бас cantabile».

На набережной попрощался.

А после со мной случилось то же, что в его чудесной «Даме с собачкой». Также «кричали», а для меня пели диавлы, также прикасался я плечом к плечу любимой, вслушивался в страшный своим безразличием гул моря и вспоминал слова на того же Чеховского рассказа:

«Так оно шумело, когда тут еще не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумит и будет шуметь также, равнодушно и глухо, когда нас не будет»...

Затем я начал бывать в Ялте все чаще и чаще. И всегда меня встречала там радость.

Ярко-освещенный городской сад, весь пропитанный сыростью и нежностью магнолий. Шуршит травой под ногами гуляющих. Играет чудесный оркестр севастопольского порта. Лотерея. Среди публики К.С. Станиславский, В.И. Немирович, сам Чехов, Мария Павловна и еще молодая сияющая Ольга Леонардовна, а рядом с ней, как мне казалось тогда, самая красивая из женщин Мария Федоровна Андреева. И со всеми я знаком: шутим, разговариваем.

Подхожу к лотерейному колесу и за четвертак выигрываю, еще пахнущий терпентином эту маслянистыми красками работы Марии Павловны Чеховой. Бегу и показываю ей, а она говорит:

— Это так. Пустячек.

А на этом пустячке горит под заходящим солнцем огромный зеленоватый камень на морском берегу и делуют его темные с седой волной.

— Ну, что-ж, повезло вам, — говорит Чехов, — кажется, это работа Маши.

А я ничего не отвечаю и думаю: «Если бы сейчас сам Ротшильд предложил мне миллион рублей за этот этюд, я бы только смерил презрительным взглядом богача, но простил бы ему потому, что у Чехова есть рассказ под заглавием «Скрипка Ротшильда».

А настоящие скрипки в оркестре, все учащая темп, продолжают увертюру из «Вильгельма Телля».

К полудню все дорожные и незабываемые начинают расходиться. В саду совсем сыро и еще сильнее пахнет магнолией и так не хочется возвращаться в свой чистенький номер гостиницы, которая тоже называется «Ялта».

У Чехова несомненно туберкулез, но еще бодр он и ласков и неженат. Я у него в кабинете с трехлетней дочерью, моя жена внизу с Марией Павловной и ее старушкой-матерью.

Чехов сидит на диване под картиной Левитана, изображающей реку. Берет мою трехлетнюю Веру на колени, рассматривает ее нежное детское ухо и говорит:

— А вот вы зимой дадите ей рыбный жир и увидите, какая она у вас станет веселая.

— Она и так веселая, только глаза у нее материнские, — отвечаю я.

— Ваша жена настоящая хохлашка.

— Нет, она русская.

— Совершенная хохлашка! — упрямо повторяет Чехов.

Как раз в этот момент входит в кабинет сама «хохлашка» и нижним контролем произносит:

— Борис, нам уже пора.

Собираемся и уходим все трое с особым чувством, что сейчас видели деликатнейшего и удивительнейшего из людей. Уже на улице я говорю дочери:

— Помни, что ты сидела на коленях у Чехова.

— Да-а-а, — пишет она, Кажется, на другой день вечером, мы сделали прогулку в лесничество, на линейке, где нужно сидеть спинами друг к другу. Уже солнце садилось, а воздух все еще был прохладный, пропитанный хвоей. Слева от дороги голубела бездна ущелья Уч-Коп.

— Нравится тебе здесь? — спросил я жену.

— Да, только горы давят и воздух черезчур густой.

Через минуту обернулась и сказала уже другим голосом:

— Почему это мне кажется, будто я бывала здесь раньше?.. Вот там, за поворотом, наверно стоит домик лесного сторожа и под черепичной крышей.

Лошади пошли шагом и известковая пыль улеглась. Еще через пять минут слева от шоссе мы увидели домик под черепичной крышей.

— Ну, вот, — произносит жена и улыбается.

После долгой паузы я отвечаю: — А знаешь, мне кажется, что и я здесь когда-то жил.

Впрочем, это было на самом деле.

Опять Ялта. Мы гости на даче адепной меценатки Фанни Карловны Татариновой. Здесь живет и К.Д. Бальмонт.

Перед завтраком он сидит в огромной столовой и наизусть читает хозяйке свои стихи. Я тоже слушаю и думаю: «Да это красиво, на зачем же выражаться такими странными словами, которых я никогда не слышал и не услышу» и тут же решаю: «Это оттого мне так кажется, что я ничего не понимаю в поэзии, ведь Чехов говорил, что не все понимает, и новая поэзия это совсем не то, что».

По небу ползучи ангел летел... А Бальмонт читает и читает. Встать и уйти неловко. Наконец, особенно отчаявшись, завопил его голос:

Каменьщик, каменьщик...

Стихотворение коротко и делает большое впечатление. Бальмонт умолкает и говорит еще что-то, — объясняет, я не слушаю, и не замечаю, что поэт обращается ко мне:

— А вы что скажете?

— О чем?

— Да вот о моих стихах.

— Очень красиво и звучно.

— Все-же какие из них вам больше понравились?

Я отвечаю по совести:

— Очень хорошо вот это:

Каменьщик, каменьщик...

Бальмонт дергает головой, как лошадь, на которую замахнулись кнутом и презрительно произносит:

— Да... Но к сожалению, это стихи моего друга Брюсова.

Делается ужасно неловко. Ф.К. Татаринова смотрит на меня с ужасом, а я ни слова не говоря, удираю на столовой прямо на пласкую крышу виллы, откуда видны вся Ялта и море так миль на пятнадцать, а то и больше.

Борис Лазаревский.
Париж, 17-го мая 1931 г.